

БОГОСЛУЖЕНІЕ

СТРАСТНОЙ И ПАСХАЛЬНОЙ СЕДМИЦЪ

во св. Іерусалимѣ IX—X в.

Текстъ, снабженный, кромѣ предисловія и послѣловія, археологическими и литургическими примѣчаніями, издается по рукописи 1804 года іерусалимской патріаршей библіотеки.

А. Дмитріевскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія православнаго богослуженія въ его древнѣйшій періодъ до X вѣка остается и доселѣ еще мало извѣстною. Послѣ эпохи Постановленій апостольскихъ и сочиненій, приписываемыхъ Діонисію Ареопиту, до VIII в. исторія эта не имѣетъ ни одного прямого и непосредственнаго источника, изъ котораго можно было бы заимствовать свѣдѣнія касательно устройства христіанскаго богослуженія за этотъ весьма большой и интересный въ исторіи церкви христіанской періодъ. Все, что мы знаемъ о богослуженіи православной церкви за это время, извѣстно намъ изъ разныхъ трактатовъ и писаній св. отцовъ, такъ или иначе касавшихся православнаго богослуженія. Само собою понятно, что эти свѣдѣнія не отличаются послѣдовательностію, ясностію, и не обнимаютъ всей сложной системы чиновъ и послѣдованій православнаго христіанскаго богослуженія. Отсюда всегда недомолвки въ исторіи, пробѣлы на цѣлыя столѣтія, за изслѣдованіе какого бы чина мы не принялись. Отсюда, далѣе, понятна и боязнь изслѣдователей брать на себя настоятельно - необходимый трудъ составленія систематической исторіи православнаго богослуженія. Что касается извѣстнаго въ наукѣ Барбериновскаго служебника (Codex Barberinus) VIII в., то, признавая его важность для православной литургики, мы должны сказать, что

онъ весьма немного даетъ намъ для характеристики общественнаго богослуженія, заключаая въ себѣ главнымъ образомъ чинопослѣдованія таинствъ и разныхъ молитвословій по потребностямъ христіанъ. Но если мы мало знаемъ относительно богослуженія христіанской церкви вообще, то еще менѣе мы знаемъ о богослуженіи той или иной церкви въ отдѣльности, т. е., напр., церковей константинопольской, іерусалимской и др. Каждая изъ этихъ церковей, составляя одно изъ звѣньевъ единой православной апостольской церкви и живя единою нераздѣльною съ нею жизнью, въ тоже время (по своему историческому, политическому и географическому положенію въ жизни своей должна была обнаруживать и) обнаруживала иногда довольно значительныя особенности въ области обряда. Такъ, напр., константинопольская церковь съ кафедрою вселенскаго патріарха въ стѣнахъ св. Софіи, всегда находившагося въ соприкосновеніи съ византійскимъ императоромъ, защитникомъ и покровителемъ церкви православной, выработала свой особенный церковный ритуаль, гдѣ обряды чисто церковныя были перемѣшаны съ обрядами, имѣвшими мѣсто при пышномъ дворѣ византійскаго автократора и обставлены были изумительною роскошью и блескомъ¹⁾. Въ свою очередь и іерусалимская церковь, по своему исключительному положенію, не могла не имѣть своего особаго ритуала. Въ наслѣдіе ей были оставлены, ввѣрены ей попеченію и охранѣ, самыя дорогія и священные мѣста, съ которыми неразрывнымъ образомъ связывается исторія христіанскаго домостроительства. Мѣста эти дороги всему христіанскому міру. Поэтому іерусалимская церковь должна была

¹⁾ Свѣдѣнія касательно устава и богослуженія вообще великой константинопольской церкви сдѣлались извѣстными въ самое недавнее время, благодаря появленію въ свѣтъ книги покойнаго профессора М. дух. академіи Н. Д. Мансвотова «Церковный уставъ (Типикъ) его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви». М. 1885, стр. 228—249.

принять и приняла дѣйствительно всѣ зависящія отъ нея мѣры къ тому, чтобы эти святыя мѣста сохранить для потомства, оградить ихъ отъ поруганія и забвенія. Посему на этихъ мѣстахъ были воздвигнуты храмы иногда съ большими монастырями; въ определенное время, особенно въ дни, съ которыми связывается воспоминаніе событія, совершившагося на томъ или иномъ мѣстѣ, учреждены къ нимъ торжественные крестные ходы; въ нихъ совершаемы были патриаршія литургіи съ многочисленнымъ соборомъ монашествующаго духовенства и т. п. Но никогда іерусалимская церковь не стояла столь близко къ своимъ святынямъ, какъ въ дни, когда, по уставу, было положено воспоминать страданія Господа нашего Іисуса Христа, всецѣло связанныя съ Іерусалимомъ. Не удивительно поэтому, что страстная седмица въ іерусалимской церкви представляется, по нашему памятнику, непрерывнымъ рядомъ богослуженій и крестныхъ ходовъ ко всѣмъ св. мѣстамъ, при чемъ эти ходы начинаются съ ранняго вечера и оканчиваются позднимъ утромъ и обнимаютъ такіе довольно значительные пути, какъ путь изъ храма св. Константина на Сіонъ, а оттуда въ Виаінію или на вершину Елеона и черезъ Геосиманію обратно въ храмъ св. Константина или Воскресенія. Эти крестные ходы сопровождались чтеніемъ примѣнительныхъ къ тому или иному мѣсту молитвъ и евангелій, пѣніемъ стихирь, взятыхъ изъ обычной Тріоди и составленныхъ спеціально для этихъ случаевъ, и разнаго рода другими церемоніями, коренящимися въ своемъ основаніи на евангельскомъ сказаніи. Издаваемое нами послѣдованіе страстной седмицы и седмицы пасхальной самымъ обстоятельнымъ образомъ описываетъ іерусалимскіе крестные ходы, совершавшіеся въ древнѣйшее время въ эти недѣли. Такимъ образомъ, въ этомъ памятникѣ мы имѣемъ весьма важный отрывокъ устава іерусалимской церкви древнѣйшаго времени, отъ котораго мы не имѣли доселѣ никакого слѣда существованія этого устава. Кромѣ того, мы знакомимся изъ этого памятника,

въ частности, съ обрядами и чинами храма Воскресенія¹⁾, относящимися какъ къ общественному, такъ и частному богослуженію. Здѣсь мы имѣемъ чины всенощнаго бдѣнія, часовъ, утрени, литургій преждеосвященныхъ даровъ и полной св. апостола Іакова, брата Божія, совершаемой во всѣ тѣ дни, въ которые мы нынѣ служимъ литургіи Златоуста и Василия Великаго, чины освященія мѣра, умовенія ногъ, полученія священнаго огня и нѣкоторые другіе небольшіе чины. Всѣ они, особенно — чины частнаго богослуженія, разнятся отъ подобныхъ чиновъ, которые практикуются въ наше время. По характеру содержащихся въ нихъ особенностей, настоящий, издаваемый нами, памятникъ запечатлѣнъ несомнѣнно глубокою христіанскою древностію, сближаетъ насъ съ эпохою Постановленій апостольскихъ, съ которыми нашъ памятникъ иногда, особенно въ изложеніи чиновъ литургій и въ чинѣ освященія мѣра, имѣетъ немало точекъ соприкосновенія, а по мѣстамъ буквально сходенъ. Отсюда, слѣдовательно, важное литургическое значеніе этого памятника выше всякаго сомнѣнія.

Но издаваемый нами памятникъ, помимо этого, имѣетъ едва ли не столь же важное значеніе и для археологіи и топографіи святыхъ мѣстъ Іерусалима.

Никто не отрицаетъ того факта, что нынѣшній Іерусалимъ въ своемъ топографическомъ положеніи значительно измѣнился сравнительно съ Іерусалимомъ временъ Христа Спасителя. Произведенныя въ самое

¹⁾ Доселѣ въ нашей литературѣ была извѣстна лишь одна статья, касающаяся богослуженія въ храмѣ Воскресенія, а именно: *Ἡ ἑσπερινή λειτουργία, καθὼς ψάλλομεν ἐν τῇ ἀγίᾳ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσει*, изданная въ свѣтъ архимандритомъ Даниловскаго Московскаго монастыря Амфилохіемъ въ Чтен. Общ. Любит. Дух. Просв. 1873 г. октябрь. Статья эта заимствована о. Амфилохіемъ изъ рукописнаго пергаменнаго евангелія 862 г., писаннаго діаконъ св. Христова Воскресенія Θεοδωρὸς и принадлежавшаго покойному преосв. Порфирію, а нынѣ находящагося въ Импер. Спб. публичной библіотекѣ.

послѣднее время раскопки близъ Аврааміевскаго монастыря, на русскомъ мѣстѣ, близъ пещеры Богоотца Іоакима и Анны, за городомъ близъ Дамасскихъ воротъ на католическихъ мѣстахъ и др. ясно убѣдили всѣхъ, что Іерусалимъ время Христа Спасителя лежитъ ниже нынѣшняго его уровня на глубинѣ двухъ-трехъ сажень, подъ массою мусора и щебня. Это вполне понятно и естественно, если мы припомнимъ, сколько историческихъ эпохъ и тяжелыхъ бранныхъ нашествій пережилъ св. городъ съ перваго своего разрушенія императоромъ римскимъ Титомъ до завоеванія его мусульманами. На своемъ тяжеломъ жизненномъ пути, гдѣ боролись разныя націи и вѣроисповѣданія за право обладанія имъ, Іерусалимъ много разъ разрушаемъ былъ до основанія и многократно долженъ былъ возстановляться изъ пепла и мусора. Поэтому весьма понятно, что, при изученіи топографіи св. мѣстъ Іерусалима и его ближайшихъ окрестностей, наши ученые палестиновѣды принуждены бороться съ большими и иногда непобѣдимыми трудностями въ опредѣленіи топографіи того или иного св. мѣста, такъ какъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не осталось никакого слѣда. Въ этомъ случаѣ, а также и въ томъ, когда соединяемое съ извѣстнымъ мѣстомъ преданіе мало имѣетъ вѣроятности, наши и иностранные палестиновѣды обращаются къ сказанію древнихъ паломниковъ и, при помощи ихъ сказаній, устанавливаютъ топографію св. мѣстъ Іерусалима. Само собою понятно, что не забываются ими и другія историческія свидѣтельства, такъ или иначе относящіяся къ св. мѣстамъ, но этихъ послѣднихъ мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи весьма немного. Отсюда въ палестиновѣдніи въ наше время естественно пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе изученіе паломнической литературы. Палестинскія общества и частныя лица издають описанія св. мѣстъ Іерусалима на всѣхъ языкахъ и занимаются ихъ комментированіемъ. Таковы изданія: нашего Палестинскаго общества „Православный палестинскій сборникъ“, Спб.;

Т. Тоблера: „Itinera Hierosolymitana et descriptiones terrae sanctae bellis sacris anteriora et lingua latina saec. IV—XI exarata sumptibus societatis illustrandis orientis latini monumentis“ vol. I (pars. I—II), Genev. 1879 an.; Вѣніамина Іоаннидеса въ приложеніяхъ къ его книгѣ: „*Τοῦ προβληντηρίου τῆς ἀγίας υἱς πνεύματος πρώτον. Ἡ ἀγία πόλις Ἱερουσαλὴμ καὶ τὰ περὶχωρὰ αὐτῆς*“, ἐν Ἱεροσόλ. 1877; — изданія французскаго общества латинскаго востока: „Itinéraires à Jerusalem, et descriptions de la Terrae Sainte, redigés en Français, publiés par Michelant et Raynaud“. Geneve 1882 и др. Въ частности усерднѣйшій изслѣдователь Палестины и св. мѣстъ Іерусалима Тоблеръ издалъ двѣ книги, прямо относящіяся къ топографіи Іерусалима: „Zwei Bucher Topographie von Jerusalem und seinen Umgebungen. Berlin. 1853—1854“, въ которыхъ отвелъ весьма видное мѣсто паломнической литературѣ, изданіемъ которой онъ потомъ и занялся самымъ серьезнымъ образомъ. Но ученые палестиновѣды все же хорошо сознаютъ, что паломническая литература лишь помощникъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся топографіи и археологіи св. мѣстъ Іерусалима, а не источникъ первой руки, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ держится и это послѣднее мнѣніе, очевидно, за недостаткомъ другихъ болѣе важныхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Имъ хорошо извѣстно, что большинство паломниковъ были люди простые, мало образованные, во время обозрѣнія св. мѣстъ легко довѣрчившіеся словоохотливымъ проводникамъ, вѣрившіе простодушно всему тому, что говорилось имъ, и затѣмъ, на память себѣ и въ назиданіе своимъ соотечественникамъ, безъ должной критики и даже повѣрки, заносившіе все видѣнное и слышанное въ свои путевыя записки. Отсюда въ ихъ разсказахъ (будь это латинскій, греческій или русскій паломникъ — безразлично) мы встрѣчаемъ досужіе вымыслы фантазіи проводниковъ, ихъ невѣроятныя басни, коренящіяся часто на апокрифахъ, показанія несуществующихъ, но интересныхъ для простаго

вѣрующаго человѣка мѣсть (какъ на примѣръ, отдушина геенскаго огня, мѣсто мученія грѣшниковъ, мѣсто сидѣнія Адама, по изгнаніи изъ рая и пр.) и т. д. и т. д. Что касается топографіи св. мѣстъ и описаній ихъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ имѣются храмы, или сохраняются остатки бывшихъ на мѣстѣ ихъ зданій, паломники стараются обозначить ихъ положеніе, но ихъ опредѣленія страдаютъ сбивчивостію и темнотой, или въ силу неточности терминологіи (направо, налево), или въ силу неопредѣленности мѣры разстояній (шагами, стрѣльбою изъ лука, метаніемъ камня и т. п.) между священными мѣстами, или, наконецъ, въ силу крайней трудности возстановить планъ Іерусалима въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ во время путешествія того или другого паломника перваго тысячелѣтія христіанской эры, или начала и середины второго тысячелѣтія, а потому, естественно, по необходимости, приходится составлять сужденія о топографіи ихъ каждому изслѣдователю съ точки зрѣнія нынѣшняго положенія св. мѣстъ въ Іерусалимѣ. Нерѣдко у паломниковъ мы встрѣчаемъ совершенно противоположныя показанія объ одномъ и томъ же мѣстѣ, діаметрально различныя ихъ описанія, а отсюда естественны нескончаемые споры у нашихъ современныхъ палестиновѣдовъ. Само собою понятно, ничего подобнаго не можетъ быть въ памятникѣ, который имѣлъ значеніе въ богослужебной практикѣ. Напротивъ, здѣсь мы имѣемъ свидѣтельство несомнѣнное относительно чтимыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ, свидѣтельство самой церкви іерусалимской, которой Провидѣніе ввѣрило охрану и попеченіе о нихъ. Крестныя ходы къ этимъ св. мѣстамъ, установленныя ею въ опредѣленное время года, указываютъ на ихъ несомнѣнную историческую достовѣрность. Отсюда показанія относительно св. мѣстъ Іерусалима въ издаваемомъ нами памятникѣ должны имѣть въ глазахъ нашихъ палестиновѣдовъ первенствующее значеніе. Изъ этого памятника они узнаютъ, какія мѣста считала святыми древняя іерусалимская церковь, познакомятся,

конечно, приблизительно съ ихъ топографіею, и если на нихъ были воздвигнуты постройки, то отчасти съ ихъ расположеніемъ и архитектурою. Безспорно, при чтеніи этого памятника, возникнетъ немало вопросовъ и даже недоумѣній, въ силу нѣкоторой неясности и неопредѣленности указаній св. мѣстъ и расположенія ихъ по отношенію другъ къ другу, но точности и опредѣленности отъ богослужебнаго памятника и пельзя требовать, ибо богослужебная книга не историческое изслѣдованіе. Здѣсь то и должны придти къ намъ на помощь показанія паломниковъ, современныхъ издаваемому нами памятнику, при помощи которыхъ намъ удастся, быть можетъ, болѣе или менѣе точно указать топографическое положеніе всѣхъ тѣхъ св. мѣстъ, о которыхъ упоминаетъ нашъ памятникъ.

Издаваемый нами памятникъ извлеченъ нами изъ рукописи 1804 г. библіотеки крестной богословской школы въ Іерусалимѣ, въ которой этотъ памятникъ имѣется въ качествѣ приложенія къ сочиненію подъ заглавіемъ: „*Ἱερά ἱστορία περὶ τῆς πόλεως τοῦ μεγάλου βαβύλεως καὶ πάσης Παλαιστίνης, συνερανθείσα ἐκ πολλῶν παλαιῶν τε καὶ νεωτέρων πρὸς πληροφορίαν καὶ ἀφέλειαν τῶν μετερχομένων προσκυνητῶν μάλιστα τοῦ παναγίου καὶ ζωοδόχου τάφου, ἣτις ἄρχεται ἀπὸ τοῦ προπάτορος Ἀδὰμ καὶ λήγει κατὰ ἰαωά*“ (1801) ἔτος τὸ σωτήριον, ἐν ᾗ προστέθη καὶ συνοπτικὴ περιγραφὴ τῆς ἀγίας γῆς. Διαίρεται δὲ ἡ ἱστορία εἰς τμήματα τρία, ὧν τὸ μὲν πρῶτον ἄρχεται ἀπὸ Ἀδὰμ καὶ λήγει εἰς τὸ θεομητορικὸν γενέσιον, τὸ δὲ δεύτερον ἄρχεται ἀπὸ τῆς γεννήσεως τῆς Θεοτόκου καὶ τελευτᾷ εἰς τῆς ὑπερφυᾶ αὐτῆς κοίμησιν, τὸ δὲ τρίτον ἄρχεται κατὰ συνέχειαν τῶν χρόνων ἀπὸ τοῦ θεαδέλφου Ἰακώβου, τοῦ πρώτου ἱεράρχου τῶν Ἱερουσαλὺμων, καὶ φθάνει εἰς τὰς πονολβίους ἡμέρας τοῦ νῦν πατριαρχοῦντος τῆς Ἱερουσαλὴμ κυρίου κυρίου Εὐθνμίου ἕως ἰαωά. δῆλον σωτήριον ἔτος“.

Сюда этотъ чинъ списанъ архимандритомъ Максимомъ Симео¹⁾), авторомъ названной исторіи, изъ одного пергаменнаго кодекса 1122 года библіотеки Саввы Освященнаго. Объ этомъ составитель исторіи сдѣлалъ слѣдующую приписку, которая находится послѣ краткаго чина вечерни въ первый день пасхи:

„*Αὕτη ἡ διάταξις ἐπεκράτει τὸ πάλα εἰς τὴν ἐν Ἱερουσαλὴμ ἀγίαν τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίαν, ἣν κατεστρώσαμεν καὶ αὐτὴν ἐνταῦθα πρὸς εἰδῆσιν τῶν φιλοδόξων προβυνητῶν τῶν θεοβαδίστων ἐν Ἱερουσαλὴμ καὶ κοσμοβωτηρίων τόπων, ἀντιγράψαντες αὐτὴν ἀπὸ χειρογράφου μεμβραίνου παλαιότητου, ὅπερ εἰς το τέλος περιεῖχεν οὕτως:*

„*Ἐκτίβθη ἡ δέλτος αὕτη κατὰ πρόβταξιν τοῦ ἐβλαβοῦς Γεωργίου, ἀρχοντος καὶ χριστοῦ τῆς ἀγίας πόλεως, χαρτοφύλακος, καὶ σακελλίου τε καὶ μεγάλου βκενοφύλακος τῆς Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως, καὶ ἐδόθη παρ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἐκκλησίαν τῆς ἀγίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως ὑπὲρ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν αὐτοῦ. Ἐγράφη δὲ καὶ εἰρμώσθη διὰ χειρὸς Βασιλείου τοῦ ἀγιοπολίτου, γραφέως τε καὶ ἐλαχίστου ἀναγνώστου τῆς ἀγίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως ἐν τῇ*

¹⁾ Архимандритъ Максимъ Симео былъ дидаскаломъ іерусалимской богословской школы въ Крестномъ монастырѣ и іерокириксомъ іерусалимскаго патріаршаго трока. О немъ авторъ брошюры «Краткое топографическое описаніе обители св. Симеона Богопріимца, называемой «Кагамонасъ», М. 1882 г., даетъ такой прекрасный отзывъ: «Максимъ былъ хорошій знатокъ греческаго и арабскаго языковъ, охотникъ до чтенія больше сверстниковъ своихъ и изслѣдователь пергаментовъ, изъ которыхъ заимствовалъ много интереснаго; въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ «Священная Исторія», хранимомъ и донынѣ въ библіотекѣ общины св. Гроба, онъ упоминаетъ о многихъ пергаментныхъ рукописяхъ, существующихъ и теперь» (стр. 19, прим. 16).

ἀγία πόλει Ἱερουσαλήμ. Εἴληφε δὲ πέλος
ἢ αὕτη δέλτος ἡμέρα β'. ὥρα γ'. τῆς ἡμέρας
εἰς τὴν κζ'. τοῦ Φεβρουαρίου μηνός, ἐτους
κόσμου ἑξακισχιλιοστῷ ἑξακοσιοστῷ τριᾷ-
κοστῷ, Ἰνδικτιῶνος δεκάτῃ πέμπτῃ). Παρά-
καλῶ οὖν καὶ λιπαρῶ τοὺς ἐντυγχάνοντάς
καὶ ἀναγινώσκοντάς ἐν ταύτῃ τῇ δέλτῳ
εὐχεσθαι ὑπὲρ ἀμφοτέρων τοῦ γράψαντος
ἅμα καὶ τοῦ κτισαμένου, ἵνα ῥυσθῶμεν
ἀμφοτέροι τῆς αἰωνίου κολάσεως. Ἀμήν.
Ἐτυπώθη δὲ παρὸν τεῦχος κατὰ τὴν τάξιν
τῆς ἀγίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ἀνα-
στάσεως καὶ οὐ δεῖ τινα προσθῆσαι ἢ ἐλλεί-
ψαι ἀπ' αὐτοῦ τι.

„Ἀντεγράφῃ δὲ ἐν ἔτει ιαωδ'. ὀκτωβορίου κα'. ἐν τῇ
Ἀγία πόλει, ἔνθα προστέθη καὶ ἐφεξῆς ἀκολουθία
τῆς διακαινησίμου ἐκ τῆς αὐτῆς ἱεράς βίβλου ἀπα-
ραλλάκτως ἄνευ τινός προσθέσεως ἢ ἐλλείψεως, ὅλη
δηλαδὴ ἀντεγράφῃ, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν, ἀνακαινίσθη ἐκείνη
τὸ θεῖον τεῦχος διὰ ψυχικὴν μου σωτηρίαν“.

Такимъ образомъ, 1122 годъ можно было бы
принять за годъ составленія самаго послѣдованія, по
внутренніе признаки этого памятника и топографія
св. мѣстъ, указанныхъ въ немъ, съ несомнѣнностію
относятъ этотъ памятникъ къ эпохѣ болѣе древней,
чѣмъ 1122 г., когда многіе изъ указанныхъ святыхъ
уже не существовали, будучи разрушены во время
страшнаго погрома при калифѣ Хакемѣ въ 1009 или
1010 году. Повидимому, болѣе вѣроятное опредѣленіе
времени происхожденія этого послѣдованія можно со-
ставить на основаніи слѣдующихъ данныхъ.

¹⁾ Другимъ почеркомъ приписано: «ἔτει σωτηρίῳ 1122 ἐπὶ τοῦ
αὐτοκράτορος Ἰωάννου β' τοῦ Κομνηνοῦ». Этотъ императоръ цар-
ствовалъ съ 1118—1143 г. и назывался Кало-Іоаннъ.

Въ рукописи въ одной изъ ектеній упоминается патріархъ іерусалимскій Николай I, который занималъ кафедру, по опредѣленію Паламы (Исторія Іерусал. 1864 г.), съ 932—947 годъ. Другого патріарха съ этимъ именемъ на іерусалимскомъ патріаршемъ тронѣ въ болѣе раннее время мы не знаемъ. Въ службѣ среды страстной седмицы стихира: „*Κύριε, ἡ ἐν πολλαῖς ἁμαρτίαις περιπεβοῦβα ὑνὴ*“ надписывается именемъ константинопольскаго патріарха Фотія (*ποίημα Φωτίου, πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως*), дважды занимавшаго патріаршій престолъ, съ 857—867 и вторично съ 877—886 г., и скончавшагося въ 887 году. Канонъ на утрени въ великую субботу надписывается именами Козмы Маюмскаго, скончавшагося около 776 г., и Марка, епископа Отрантскаго, скончавшагося въ началѣ IX вѣка. Такимъ образомъ, составленіе этого послѣдованія въ цѣльномъ видѣ должно отнести ко второй половинѣ IX в. или вѣрнѣе къ первой половинѣ X в. Если обратить вниманіе на топографическое положеніе св. мѣстъ Іерусалима, описываемыхъ нашимъ памятникомъ, то оно какъ разъ будетъ соответствовать данному времени. Св. мѣста Іерусалима представляются существующими въ томъ видѣ, какъ они были реставрированы, послѣ разрушенія ихъ въ 614 г. новоперсидскимъ царемъ Хозроемъ, іерусалимскимъ патріархомъ Модестомъ, который былъ сначала блюстителемъ патріаршаго трона съ 614 г.—628 г., по случаю нахождения въ плѣну у персовъ патріарха св. Захарія, а затѣмъ лично патріаршествовалъ съ 633—634 г. Въ 1009 или 1010 г., какъ мы сказали, св. мѣста подверглись страшному разрушенію и многія изъ нихъ уже не были возстановлены потомъ. Наконецъ, по нашему памятнику, церковь іерусалимская въ это время представляется наслаждающеюся миромъ и благополучіемъ, которые даютъ ей возможность совершать торжественные крестные ходы и имѣть многочисленный штатъ духовенства, а это тоже въ свою очередь указываетъ на время IX—X в. Въ латинскомъ сочиненіи: „Сомме-

moratorium de casis Dei vel monasteriis“, относимомъ къ 808 году, штатъ священнослужителей при патриархѣ и въ храмѣ св. гроба описывается въ такомъ видѣ: „Primum in Sancto Sepulcro Domini presbyteri IX, diaconi XIV, subdiaconi VI, clerici canonici XXIII, custodes, quos *fragelites* vocant, XIII, monachi XII, qui cum cereis antecedunt patriarcham XII, *ministri patriarche* XVII, *prepositi* II, *computarii* II, *notarii* II, *custodes, qui assidu(e) prevident Sepulcrum Domini*, presbyteri II, in Sancto Calvario I, ad calicem Domini II, ad Sanctam crucem et Sudarium II, diaconus I, *syncellus, qui sub patriarcha omnia corrigit* I, cellerarii II, thesaurarius I, qui fontes custodit I, portarii IX“¹⁾).

Но не смотря на то, что время составленія издаваемого нами послѣдованія въ его настоящемъ видѣ вышеуказанными данными опредѣляется болѣе или менѣе точно, т. е. концемъ IX или первою половиною X в., Веніаминъ Іоаннидесъ, видѣвшій настоящую рукопись и издавшій по ней чинъ низведенія огня въ великую субботу (*Προβήννηταρ. βέλ. 238—239*) не усумнился прибавить относительно этой рукописи слѣдующую любопытную замѣтку: „Ἄβτε ἡ ἐποχή τοῦ χειρογράφου δύναται ν' ἀναχθῇ, ἀν μὴ καὶ περαιτέρω, ἀναμφιβόλως ὅμως μέχοι τοῦ 932“²⁾, т. е. года начала патриаршества упоминаемого въ рукописи патриарха іерусалимскаго Николая I. Эту прибавку архимандрита Іоаннидеса мы вполнѣ раздѣляемъ, такъ какъ, при чтеніи самаго послѣдованія, нельзя не видѣть, что по своимъ особенностямъ, главнымъ же образомъ въ чинахъ литургіи, освященія мѣра и другихъ, касающихся частнаго богослуженія, мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ болѣе глубокой христіанской древности, чѣмъ IX или X вѣка. Отсюда мы лично склоняемся къ тому мнѣнію, что послѣдованіе седмиць страстной

¹⁾ T. Tobler. Itiner. Hierosolym. vol. 1, pars II, pag. 301.

²⁾ *Προβήννηταρ. τῆς ἀγίας γῆς. σελ 239, σημ.*

и пасхальной въ томъ видѣ, въ какомъ мы издаемъ его въ настоящее время, окончательно образовалось въ IX—X в., но составныя его части, касающіяся чиновъ литургіи, освященія мѣра, вошли сюда изъ глубокой древности, близкой къ эпохѣ Постановленій апостольскихъ. Мы склонны даже думать, что въ этомъ памятникѣ мы имѣемъ дѣло съ чинами V, VI и VII вв., такъ какъ на это даетъ намъ право сопоставленіе этихъ чиновъ съ alexandрійскою хроною V в. и другими памятниками глубокой христіанской древности.

Въ цѣломъ и полномъ своемъ видѣ настоящій памятникъ издается *въ первый разъ*. Изъ него лишь изданъ былъ одинъ чинъ низведенія огня въ великую субботу архимандритомъ и профессоромъ богословской школы Веніаминомъ Іоаннидесомъ въ его „*Προβληνταίολον τῆς αὔρας γῆς*“ сѣл. 238—239. Кромѣ этого, указаніе довольно неопредѣленное на этотъ памятникъ мы нашли еще въ небольшой брошюрѣ подъ названіемъ: „Краткое топографическое описаніе обители св. Симеона Богоприимца, называемой „Катамонасъ“¹⁾ и находящейся близъ св. града Іерусалима“ М. 1882. „При руководствѣ замѣтокъ Максима (см. о немъ выше) нашли мы, пишетъ авторъ этой брошюры, досточтимый *уставъ Лавры св. Саввы (?) службамъ совершаемымъ въ Божественномъ храмѣ Воскресенія на страстной и св. недѣляхъ; написанъ онъ на пергаментѣ и хранится теперь въ библіотекѣ іерусалимской богословской школы, уже прекратившей свое существованіе“ (стр. 19. прим. 16). Слѣдовательно, автору этой брошюры, а равно и многимъ изъ благополучно здравствующаго въ*

¹⁾ Брошюра эта была составлена на греческомъ языкѣ и напечатана въ Іерусалимѣ въ 1880 г. На русскій языкъ переведена она подъ наблюденіемъ Благочиннѣйшаго Никодима, благополучно правящаго нынѣ церковію іерусалимскою, еще въ бытность его въ Москвѣ въ санѣ архіепископа саворскаго.

(ΑΚΟΛΟΥΘΙΑ ᾽) ΤΩΝ ἈΓΙΩΝ ΠΑΘΩΝ ΚΑΙ ΔΙΑΚΑ-
ΝΗΣΙΜΟΥ.

ПОСЛѢДОВАНІЕ СВЯТЫХЪ СТРАСТЕЙ И ПАСХАЛ-
НОЙ НЕДѢЛИ.

(Рукопись патриаршей Иерусалимской библіотеки)

